

исчисления и их веры в счастливую и несчастливую звезду. При объяснении летоисчисления, а также изменений в судьбах народов и людей Филофей ссылается на промысел божий: „не от звезд сие приходит, но от все дающего бога“.¹ В этом послании Филофей подробно объясняет причину падения первого Рима — „предаша православную греческую веру в латынство“. Пусть Мисюрь не верит, когда латиняне говорят: „наше царство ромейское недвижимо пребывает“; они изменили православия „опресночного ради служения“. Филофей разоблачает римлян: „аще убо великого Рима стены и столпове и трикровныя полаты не пленены, но душа их от диявола пленены быша опреснок ради“.² В пример римлянам Филофей ставит Византию: „аще убо агарины внуди греческое царство приаша, но веры не повредиша, ниже насилствуют греком от веры отступати“. Этот пример был приведен Филофеем в пылу спора, так как о чистоте веры в греческом царстве он думал несколько иначе при написании следующего Послания. Кончает Филофей это свое Послание, как и предыдущее, предсказанием о судьбе Русской земли: „о нынешнем православном царствии пресветлейшаго и высокостолнейшаго государя нашего, иже во всей поднебесной единого христианом царя и брододержателя святых божиих престол святяа вселенския апостольския церкви, иже вместо римской и константинопольской, иже есть в богоспасаемом граде Москве, ... яко вся христианская царства приидоша в конец и снидошася во едино царство нашего государя по пророческим книгам хто есть росейское царство, два убо Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти“.³

В этом послании теория Москвы — третьего Рима выступает в более полном выражении; это объясняется назначением Послания, поставившего своей задачей разоблачение догматов латинства. О падении Константинополя — второго Рима говорится еще очень мало.

В Послании Филофея к великому князю Ивану Васильевичу теория Москвы — третьего Рима предстает в полном развитии. Православную церковь Филофей рисует в образе апокалипсической жены, она бежит в пустыню от первого Рима, „понеже весь великий Рим падеся и болит неверием аполинариевы ереси неисцелно“; она бежит в Константинополь, „но ни тамо покоя обрет соединения их ради с латынею на осмом соборе, и оттоле константинопольския церкви раздрушися и положилися в поправление яко овощное хранилище“.⁴ Тогда православная церковь бежит в третий Рим, „иже есть в новую великую Русию, се есть пустыня, понеже святяа веры пусти беша и иже божественнии апостоли в них не проповедаша, но последи всех посветися на них благодать божия спасительнаа, его же познати истиннаго бога“, дальше Филофей говорит о чистоте веры в Русской земле: „едина ныне святяа

¹ Там же, стр. 41.

² Там же, стр. 43.

³ Там же, стр. 45.

⁴ Там же, стр. 63.